

Ю. С. Костылев
**ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ
ЮЖНОУРАЛЬСКИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-157-165

УДК 94(470.5):81'373.21

ББК 63.3(235.55)+81

Статья посвящена анализу официальных топонимических систем месторождений, расположенных на территории современной Челябинской области. Рассматриваются наименования объектов Ильменского заповедника, Кочкарского месторождения золота, Астафьевского и Светлинского месторождений горного хрусталя, разнообразных месторождений Брединского округа. В качестве источника привлекалась специализированная научная и научно-популярная литература геологического, исторического и топографического профиля. Широта и объем материала, привлечение названий, относящихся к добыче различных по типу и условиям залегания полезных ископаемых на относительно большой территории на протяжении достаточно длительного хронологического периода, значительное количество анализируемых топонимов (около 950 единиц) позволяют системно представить историю освоения природных богатств Южного Урала, отраженную в языке. Делается вывод о том, что экстралингвистические факторы естественно-геологического, а главное — социально-экономического плана становятся исключительно важными и оказывают решающее влияние на формирование и системы названий. Топонимическая система позволяет довольно точно восстановить социальный портрет коллектива номинаторов. Старатель отражает в названии существенные для работ характеристики объекта, владелец капитала — организационную специфику, но в таких системах также велик удельный вес антропонимических образований. Советский горный инженер указывает на важные с точки зрения добычи общегеологические черты объекта либо отмечает его расположение путем метонимического переноса. При этом идеологические установки номинатора не имеют существенного значения.

Ключевые слова: *топонимия, золотопромышленность, горное дело, ономастическая система, Южный Урал, Ильменский заповедник, Кочкарское месторождение золота*

Номенклатура полезных ископаемых, разрабатываемых на территории современной Челябинской области, весьма обширна: здесь добывались и добываются драгоценные и поделочные камни, черные, цветные, благородные и редкоземельные металлы, топливо, строительные материалы и многое другое. Наиболее активное освоение территории как источника полезных ископаемых приходится на период конца XVIII — середины XX в. Именно в это время закладываются многочисленные комплексы добычных объектов, разных по типу добываемого сырья и подходам к разработке. Многие из них к сегодняшнему дню частично или полностью выработаны и законсервированы, на каких-то из них добыча прекращена по иным причинам, какие-то сменили тип добываемого ископаемого, а некоторые функционируют в своем первоначальном виде.

На всех этих комплексах для обозначения и дифференциации конкретных объектов сфор-

мировались топонимические системы, которые частично или полностью сохранились до наших дней в узусе либо нашли отражение в соответствующих источниках. В данной статье рассматриваются официальные наименования естественных и искусственных добычных объектов (жил, свит, копей, шахт, приисков, карьеров, и пр.), возникшие на территории современной Челябинской области в указанный выше период и отражающие специфику промышленного освоения региона в интересах добычи полезных ископаемых. Анализируются топосистемы Ильменского государственного заповедника, Кочкарского месторождения золота, Астафьевского и Светлинского месторождений пьезокварца, Брединских угольных копей, золотоносных приисков и месторождений строительных материалов Брединского района (округа). В силу различного характера добываемых ископаемых, разной их хозяйственной роли и исторических условий закладки месторождений анализ именно их топосистем позволяет наиболее наглядно показать влияние экстралингвистических факторов на формирование массива номинативных единиц. Общее количество рассматриваемых топонимов составляет около 950 единиц.

Костылев Юрий Сергеевич — к.филол.н., с.н.с. Центра историко-лингвистических исследований, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

Пилотный анализ массива топонимов позволил выявить специфику номинативных систем в зависимости от форм хозяйствования и исторических условий номинирования объектов, что и привлекло исследовательское внимание к данному материалу, позволив предположить вероятность более или менее детального отражения указанной специфики в анализируемых названиях.

В качестве источника материала привлекалась специализированная научная и научно-популярная литература геологического, исторического и топографического профиля. Источники материала указываются в каждой части статьи соответственно. В силу естественного ограничения объема работы наиболее подробно рассматриваются только подходы, демонстрирующие самые продуктивные и массовые результаты номинирования. В рамках данной статьи в качестве топонимов рассматриваются номинативные единицы, имеющие безусловно ономастический статус. То есть не анализировались номерные обозначения (типа *шахта № 5* и т. п.) и наименования, имеющие характер описательной привязки (типа *карьер в 10 км на ЮЮЗ от пос. Наследницкий* и подобные). Ведущим аспектом исследования становится традиционный для рассмотрения топонимов анализ мотивировки топонима с учетом историко-экономического контекста.

Топонимия добычных объектов Ильменского государственного заповедника

Возникновение, систематизация и кодификация полноценной топонимической системы Ильменского государственного заповедника приходится на период конца XIX — начала XX в. Именно в это время М. П. Мельниковым¹ были проведены последовательная инвентаризация и описание копей, разрабатывавшихся на этой территории с конца XVIII в., а также был учрежден государственный заповедник, сотрудники которого приступили к систематическому изучению и комплексному описанию добычных объектов.² Соответственно, можно утверждать,

что в 1920–1930-х гг. закрепляется топонимическая система, сохраняющая названия, оставшиеся и от более ранних времен. Ранее автором был произведен анализ номинативных стратегий для искусственных объектов всех типов на этой территории.³ В рамках данной статьи интересно рассмотреть более частный аспект — номинативные подходы в отношении добычных объектов в ряду других подобных систем, находящихся на территории современной Челябинской области.

Как показывает взгляд на более поздние периоды развития топонимической системы Ильменского заповедника, в целом она унаследовала принципы, заложенные в начальный период, причем на практике чаще используются номерные обозначения копей, предложенные в 1882 г. М. П. Мельниковым. К 1940 г. в заповеднике располагалось 175 копей, из которых 120 были заложены еще до революции.⁴ С 1920-х гг. в связи с приобретением территорией статуса особо охраняемой активные разработки минералов были прекращены, так что в целом система как самих объектов, так и их названий оставалась в большей или меньшей степени неизменной.

Параллельно с предложенной М. П. Мельниковым системой нумерования применялись и другие способы обозначения. Всего в проанализированных источниках удалось обнаружить наименования 128 объектов. Самым продуктивным способом номинирования стало присвоение объекту фамилии того человека, который начинал его разработку лично либо руководил геологическими работами. Функция такого названия зачастую заключается в простой идентификации объекта, его дифференциации в ряду прочих без каких-либо мотивационных особенностей или формальной словообразовательной деривации при создании топонима: в 91 названии имеет место простое именование по модели «вид объекта + фамилия в род. п.» (например, *копь Редикорцева*). Все это явно указывает на высокую степень искусственности созданной топонимической системы, где не

¹ См.: Мельников М. П. Ильменские минеральные копи // Горный журнал, издаваемый горным ученым комитетом. СПб., 1882. Т. 1. С. 71.

² Основными источниками материала по официальной топонимии Ильменского заповедника послужили: Березин Б. А. Путеводитель по Ильменскому заповеднику. М.; Л., 1935; Гроденский Г. П. Единственный в мире. М.; Л., 1934; Он же. Сокровища Ильмен. Челябинск, 1936; Заварицкий А. Н. Геологический и петрографический очерк Ильменского минералогического заповедника и его копей. М., 1939; Заварицкий А. Н., Крыжановский В. И. Государственный Ильменский минералогический заповедник // Уральская экс-

курсия. Южный маршрут. М.; Л., 1937. С. 5–18; Ильменский государственный заповедник им. В. И. Ленина. Челябинск, 1940; Смирнов Н. Н. Государственный Ильменский минералогический заповедник. М., 1927; Поляков В. О. Сокровища минералогического рая. Миасс, 2000; Титов А. Г. Минералы Ильменских гор. Златоуст, 1928; и др.

³ См.: Костылев Ю. С. Наименования искусственных объектов Ильменского государственного заповедника первого периода его развития (1920–1930-е гг.) // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 221–234.

⁴ См.: Гроденский Г. П. Сокровища Ильмен. С. 62.

просто главной, а практически единственной функцией ономастической единицы становится простая фиксация наличия объекта в ряду прочих. Именования подобного рода копи получали обычно в честь руководителей работ (минералогов, горных инженеров), непосредственно на месте организовывавших добычу и лично участвовавших в разработке копи. В названиях зафиксированы фамилии лиц, работавших здесь на протяжении конца XVII — начала XX в., то есть до момента образования заповедника и резкого сокращения активности по добыче ископаемых. Некоторые объекты атрибутируются по именам двух (типа *копь Гасберга* и *Барбот-де-Марни*) или даже трех лиц (*копь Лисенко*, *Карпова*, *Барбот-де-Марни*). Иногда уточнение названия копей, заложенных одним человеком, могло производиться при помощи введения в название копи элемента «новая» или «вторая»: *Новая топазовая копь Мельникова*; *Новая эшшитовая копь Лобачева*; *Вторая колумбитовая копь Редикорцева*.

Старейшей из самоцветных копей заповедника является *Прутовская*, названная в честь казака Прутова, нашедшего здесь топазы.⁵ Наиболее известная и богатая копь заповедника — *Блюмовская* — названа в честь горного инженера Ф. Ф. Блюма, руководившего здесь работами. *Голигузовская копь*, *Кочевская копь*, *Трубеевская копь*, *Лобачевские копи* — наиболее старые, они названы по фамилиям разработчиков. В этих примерах мы видим весьма редкие случаи простейшей формальной деривации, при которой от фамилии разработчика образуется притяжательное прилагательное. Всего в материале было зафиксировано 10 таких топонимов.

Наряду с именовани­ем по фамилии разработчика название копи может указывать на основной добываемый на ней минерал (*Колумбитовая*, *Криолитовая* и т. п.). При этом от названия минерала часто не образуется прилагательное (*Копь розового канкринита*, *Копь пирохлора* и др.). Всего обнаружено 85 наименований копей, названных по такой модели, причем названий, содержащих относительное прилагательное, и включающих генетивную форму существительного, примерно равное количество — 39 и 44 соответственно. Таким путем топоним вводится в научную номенклатуру, позволяя при этом идентифицировать объект по наиболее существенному для номинатора (ученого-минералога) признаку. В 63 случаях

в название копи входит и указание на добываемый минерал, и фамилия заложившего эту копь человека, например, *Корундовая копь Стрижева* и т. п.

Всего 9 копей имеют оттопонимическое наименование от названия естественного природного объекта: *копь Черемшанковая*, *копь Савельева лога* и др. Очевидно, даже в этом случае номинатор склоняется к использованию несогласованных определений, что указывает на устойчивость укоренившейся в заповеднике номинативной стратегии.

Как видно из приведенных материалов, система названий объектов Ильменского заповедника имеет высочайшую степень искусственности. Очевидно функционирование практически всего двух моделей номинации, причем номинатор явно склоняется к использованию существительного в генетивной форме, без какой-либо словообразовательной деривации. В редких случаях объекты имену­ются при помощи относительного прилагательного. Это касается наиболее старых или известных копей, то есть таких, чьи наименования наиболее узуализированы. Собственно, при наличии системы нумерации, предложенной М. П. Мельниковым еще в XIX в., для однозначной идентификации объекта вполне хватает номера. Причем, как показывают анализ современных материалов и беседы с сотрудниками заповедника, именно номерные обозначения для языкового коллектива кажутся предпочтительными. Однако указание на человека, заложившего копь, и на минерал, добываемый из этой копи, в целом укладывается в традицию наречения объектов добычи полезных ископаемых и подтверждается активностью таких моделей на других территориях. Но следует отметить, что здесь оно имеет очень своеобразные формы, выражающиеся в широком, нетипичном для других мест использовании форм несогласованного определения. С одной стороны, это свидетельствует о малой узуализации топонимов в речи, с другой стороны, придает названиям облик, позволяющий включить их в научную номенклатуру.

Наличие же некоторых — хоть и весьма редких — наименований, явно возникших в результате формирования системы как вполне естественной (например, *копь Точильная* и т. п.), указывает на узуальную топонимическую систему. Просто здесь мы имеем дело с довольно специфическим номинатором — ученым, исследователем, для которого привычной является общенаучная традиция образования сложного

⁵ См.: Березин Б. А. Указ. соч. С. 20.

термина при помощи генетивной конструкции. Кроме того, нужно иметь в виду специфическую ситуацию, в которой возникла данная топонимическая система и при которой возникла необходимость описать, назвать и систематизировать одновременно очень большое количество объектов разом, так что вполне логичным стал наиболее экономичный с точки зрения языковых средств подход, при котором топоним возникает без существенной мотивационной и словообразовательной деривации.

Топонимия добычных объектов Кочкарского месторождения золота

Основная часть площади рудного поля Кочкарского месторождения золота была освоена еще во второй половине XIX в. Описанию системы золотодобычи этого периода посвящена, например, статья горного инженера И. Деви,⁶ а в 1900 г. вышел труд Н. К. Высоцкого,⁷ обобщающий сведения о состоянии месторождения на тот момент. Эти труды послужили основным источником топонимического материала. Фронтальный просмотр указанных работ позволил выявить около 630 наименований добычных объектов как естественного, так и искусственного происхождения: жил, свит (групп жил), приисков, копей, шахт и т. п. При этом видно, что топонимическая система, созданная в тот период, также используется специалистами до наших дней.⁸ Обращает на себя внимание большое количество номинированных объектов. Это неудивительно, учитывая специфику месторождения: оно является одним из крупнейших месторождений золота в стране, причем с довольно сложной геологической структурой. Добыча здесь велась различными способами на огромном множестве естественных объектов (жилах, дайках, зонах выветривания и т. п.), что вызвало появление большого количества искусственных объектов (шахт, копей) и потребовало их номинирования. Различные формы хозяйствования с активным привлечением частного капитала привели также к появлению и номинированию значительного числа приисков.

⁶ См.: Деви И. Краткий исторический очерк развития разработки коренных месторождений золота на приисках Кочкарской системы, в Оренбургской губернии, по 1895 г. // Горный журнал. 1896. № 2. С. 247–273.

⁷ См.: Высоцкий Н. К. Месторождения золота Кочкарской системы в Южном Урале. СПб., 1900.

⁸ См.: Знаменский С. Е., Серавкин И. Б. Глубинное строение, региональная позиция и структура Кочкарского рудного поля и месторождения // Геологический сборник № 5. Информационные материалы. Уфа, 2006. С. 30–38.

Ведущей моделью номинации (362 наименования из 631) является образование топонима от антропонима. Однако статус производящего антропонима может быть разным, и не всегда по внутренней форме топонима можно установить принадлежность исходного имени. Например, наименование прииска *Николаевский* может восходить или к личному имени Николай, или к фамилии Николаев, или к именованию святого Николая Мирликийского. Во всяком случае, опираясь на явно прослеживаемую традицию, есть все основания предполагать, что подавляющее большинство таких топонимов указывает на владельца или разработчика объекта. Такая модель неоднократно отмечена на объектах добычи полезных ископаемых разных типов и в разных местах. В отличие от ситуации, сложившейся на территории Ильменского заповедника, антропонимы легко поддаются словообразовательной деривации и образуют относительные прилагательные: на Кочкарском месторождении мы видим как примеры типа *жила Степанова*, так и единицы облика *Степановский прииск*. Это говорит о более естественно складывающейся топонимической системе и узуализации топонима в речи языкового коллектива. Причем большой массив единиц — названия приисков с указанием в составе топонима фамилии их владельцев. Такой подход демонстрирует отражение в топонимии особого экономического подхода к освоению месторождения с активным привлечением частного капитала.

Следующей по частотности (154 единицы) становится модель образования топонима от религионима, то есть лексемы религиозной сферы. Нужно иметь в виду, что часть отантропонимических по происхождению наименований также может относиться к этой группе, но не всегда это удастся установить достоверно, так что фактически доля отрелигионимных топонимов несколько больше. Примечательно, что абсолютно все такие топонимы мотивированы лексикой ономастического происхождения — к апеллитивам религиозной сферы не восходит ни один. Вероятнее всего, все наименования объектов связаны с названиями религиозных праздников и являются привязками к соответствующим датам. Причем на теплое полугодие (с апреля–мая по октябрь), наиболее подходящее для горных работ, приходится около 70 % дат, отраженных в названиях объектов. Это дает основания предполагать, что, помимо отражения в топониме идеи покровительства святого, иконы и т. п., такая тактика наречения указы-

вает и на время пуска в эксплуатацию. Обычно в названиях объектов фигурируют христианские персонажи и идеи, известные широкому кругу людей: *прииск Лука-Апостольский, шахта Гавриило-Архангельская, группа жил Воскресенские* и т. п. Для традиционной крестьянской культуры совершенно типично структурирование годового цикла через привязку к конкретному церковному празднику.⁹ Учитывая, что российский промышленный рабочий конца XIX в. не успел в культурном плане оторваться от крестьянской среды, для него осмысление годового цикла через даты церковных праздников представляется вполне естественным.

Подавляющее большинство рабочих были сезонными, не привязанными к территории¹⁰ и не заинтересованными в культурном «освоении» месторождения. Соответственно, постоянным составом, имеющим длительную неразрывную культурную связь с Кочкарским месторождением, становились горные инженеры, владельцы приисков, золотопромышленники, то есть носители книжной культуры. Этим можно объяснить то, что в некоторых случаях встречаются упоминания пророков и святых, чье почитание не приобрело широкого распространения в русской традиции, например, в названиях приисков *Пророко-Моисеевский, Пророко-Елисеевский* и др.

Остальные мотивационные сферы представлены на территории Кочкарского месторождения гораздо беднее. Здесь можно отметить традиционное для подобного рода объектов указание на перспективность разработки (*жила Благодатная, прииск Благодатный, прииск Добрый, прииск Скромный* и др.). Причем ряд наименований, отсылающих к положительной эмоции (*прииски Счастливый, Веселый, Отрадный, Приятный, Милый* и др.), вероятно, также говорит о высокой перспективности работ. Некоторые названия указывают на важные с точки зрения разработки характеристики (*прииски Мокрый, Сухой* и пр.). Технологию добычи описывает всего одно название — *жила Динамитная*. Топонимы этнонимического происхождения (*жила Татарская, группа жил Табынские, жила Киргизская, жила Французская*), очевидно, отмечают национальную принадлежность разработчиков или владельцев. Отоконимиче-

ские названия (*прииски Одесский, Казанский, Московский, Рязанский, Екатеринбургский* и др.) явно указывают на происхождение владельцев. При этом наименования групп приисков при помощи описательных генетивных конструкций непосредственно определяют сообщество владельцев (группа приисков *Анонимного общества золотых промыслов в Кочкаре*, группа приисков *Общества Успенских приисков* и т. п.).

Вообще же в силу обилия топонимов данного месторождения и длительного периода его эксплуатации можно отметить очень большое количество мотивационных сфер. Их анализ дает возможность оценить специфику производственных отношений на месторождении, отраженную в топонимии. Как видно из приведенных примеров, здесь наличествует более или менее традиционная для сферы добычи полезных ископаемых система (указание на разработчика жилы, условия работ, перспективность разработки и т. п.). Но при этом топонимы отражают социальный и национальный состав сотрудников, особые экономические взаимоотношения. То есть номинатор выступает и явно демонстрирует себя в качестве особого субъекта экономических и трудовых взаимоотношений. В том числе мы можем судить о том, какие номинативные стратегии выбирает та или иная социальная группа, причем номинаторами выступают как старатели и рабочие крестьянского происхождения, так и горные инженеры и владельцы капитала.

Топонимия добычных объектов Астафьевского и Светлинского месторождений горного хрусталя

Ранее автором предпринималась попытка рассмотрения указанных месторождений в сопоставлении с названиями уральских месторождений аналогичного профиля.¹¹ Сейчас же интересно рассмотреть названия объектов в избранном историко-экономическом аспекте в ряду других, локализованных в одном регионе, вне зависимости от вида добываемого ископаемого. В силу особенностей организации добычи и достаточно малого периода активных работ по профилю количество материала здесь сравнительно невелико: в источниках¹² было

⁹ См.: Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М., 2015. С. 3.

¹⁰ См.: Вишев И. И. Становление и развитие золотопромышленности на Южном Урале в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 130–144.

¹¹ См.: Костылев Ю. С. Наименования объектов хрусталеносных месторождений Приполярного и Южного Урала в сопоставительном аспекте // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 3. С. 225–237.

¹² См.: Колисниченко С. В. Самоцветы: удивительные минералы Южного Урала. Челябинск, 2010; Колисниченко С. В., Попов В. А. «Русская Бразилия» на Южном Урале: Минера-

обнаружено 57 номинативных единиц, которые именуют объекты этих месторождений.

Здесь весьма частотен прямой перенос наименования с другого объекта. Так, сами месторождения носят оттопонимические названия — по расположенным неподалеку пос. *Светлому* и д. *Астафьевке*. От названия же пос. Светлого и месторождения также возникло некоторое количество топонимов: *прииск Светлинский*, *хрусталеносное поле Светлинское* и др.

Кварц светлинского месторождения изначально разрабатывался как россыпной. Названия россыпям — всего их обнаружено 15 — часто давались метонимически, по наименованиям естественных природных объектов, чаще всего логам, поскольку именно в логах и аккумулировался россыпной хрусталь (лог *Анненский* — россыпь *Анненская*). Имя россыпи могло формироваться бездеривационным переносом названия естественного объекта (россыпь *Коростелевский Лог*, россыпь *Лог Хрустальный*). В рассмотренном материале обнаружено 9 названий подобного рода.

Метонимический перенос может производиться в несколько приемов: наименование природного объекта служит донорским для названия россыпи, а ее название переносится на более крупный геологический объект: лог *Анненский* — россыпь *Анненская* — группа жил *Анненская*.

Результатом переноса могли стать и названия иных, более крупных объектов Светлинского месторождения (россыпь *Косаревская* — участок *Косаревский*, участок *Аметистовый* — зона месторождения *Аметистовая* и т. п.). В редких случаях при промышленной разработке наиболее крупных россыпей названия могли даваться по их объективным характеристикам — *Надежная*, *Маленькая*.

Несколько иная ситуация на Астафьевском месторождении. Здесь мы также можем видеть случаи переносов: названия кристаллопроявлений *Березиновское*, *Порт-Артурское* и *Московское* даны по именам населенных пунктов Челябинской области — пос. *Березинский*, *Порт-Артур* и *Московский*. Но «донорские» объекты находятся далеко за пределами место-

рождения, так что подобные случаи нельзя признать метонимией в чистом виде.

Базой добычи сырья на Астафьевском месторождении стали два карьера — *Западный* и *Восточный*, названные так по географическому положению относительно друг друга.

Свои названия имеют блоки метавулкани-тов: *Западный*, *Центральный*, *Восточный* (по расположению относительно друг друга), *Главный* (по размеру и перспективности разработки) и *Аномальный* (по характеристике залегания добываемого сырья).¹³

Как видно из приведенного материала, ведущей стратегией номинации объектов южноуральских месторождений пьезокварца, особенно Светлинского, является перенос наименований с одного объекта на другой. Всего было выявлено 20 номинативных единиц такого типа, 15 из них относятся к Светлинскому месторождению. Система наименований объектов Светлинского месторождения наложилась на сформированную ранее микротопонимию естественных объектов, освоенных местным населением в ходе хозяйственной деятельности. Так что основание для большого количества переносов на этом месторождении было подготовлено объективными экстралингвистическими факторами — приуроченностью хрусталеносных россыпей к естественным понижениям рельефа (логам) и хозяйственным освоением территории будущего месторождения местными жителями, которые и вели старательские работы.

Система наименований Астафьевского месторождения, разрабатывавшегося промышленным способом, демонстрирует более высокую степень искусственности. Названия присваиваются в том числе тем объектам, которые имеют значение с точки зрения теоретической геологии. Оттопонимические наименования возникали несколько иным образом, чем на Светлинском месторождении: невозможно непосредственно по смежности соотнести названия кристаллопроявлений с расположением объектов, по которым они названы. Объективный признак номинируемого объекта, лежащий в основу мотивировки топонима, отражает географическое положение (*Восточный*, *Западный*) или существенные для профессионального геолога признаки (*Аномальный*).

Таким образом, очевидно, что важным для формирования топонимической системы на хрусталеносных месторождениях является не столько вид добываемого сырья, сколько нали-

лы долин рек Санарки, Каменки и Кабанки: энциклопедия уральского камня. Челябинск, 2008; Поленов Ю. А., Огородников В. Н. История поисков, разведки и освоения хрусталеносных месторождений Среднего и Южного Урала. // Известия Уральского государственного горного университета. 2017. Вып. 1 (45). С. 104–108; Шатнов Ю. А. Хрусталеносные месторождения — уникальные геологические объекты России и стран СНГ // Разведка и охрана недр. 2007. Вып. 10. С. 23–29.

¹³ См.: Шатнов Ю. А. Указ. соч. С. 25.

чие уже сформировавшейся топонимической системы природных объектов, а также характер разработки и, соответственно, социальный портрет номинатора. Добыча пьезокварца на Светлинском месторождении начиналась старателями, которые создали топонимическую систему, подобную традиционным системам крестьянских языковых коллективов и непосредственно опирающуюся на нее. Она характеризуется сравнительно большим количеством метонимических переносов и антропонимических образований. При этом многочисленные россыпи и шахты вызывают к жизни большое количество именуемых их единиц. В то же время малое количество крупных карьеров Астафьевского месторождения объясняет небольшое число топонимов, а система приобретает искусственный характер.

Топонимия добычных объектов Брединского района

Номенклатура полезных ископаемых, добытых и добываемых на территории современного Брединского округа (в прошлом — района) довольно велика, но сами месторождения малопродуктивны. Соответственно, количество установленных топонимов сравнительно большое (73 единицы),¹⁴ но относятся они большей частью к малоразмерным объектам, причем в основном уже исчезнувшим. Наиболее примечательны в экономическом отношении Полтаво-Брединские угольные копи и золотоносные прииски Брединского района. При этом золотые прииски имеют наиболее раннее происхождение (середина XIX в.), угольные копи — несколько более позднее (начало XX в.).¹⁵ Месторождения строительных материалов начали разрабатываться уже в советский период. Что касается названий угольных копей, то в качестве достоверно установленного можно рассматривать название лишь одного рудника — *Пионер*, — где топоним дореволюционного происхождения указывает на первенство в разработке объекта. Остальные обозначения представляют собой простую нумерацию. Золотоносные прииски начали активно разрабатываться с середины XIX в., в силу малой продуктивности основная их часть на данный момент законсервирована.

В целом удалось выявить 44 наименования объектов, относящихся к добыче золота. Из них 11 названий восходят к именам религиозной сферы (*Воздвиженский, Благовещенский, Святодуховское* и т. п.), причем, как и на Кочкарском месторождении, большинство из них связаны с праздниками теплого периода года, что позволяет подозревать указание на дату пуска объекта и демонстрирует устойчивость отмеченной выше топонимической модели. Также 8 наименований (*Михайловский, Сулеймановское, Колчинская* и т. п.) восходят к антропонимам и указывают, вероятно, на владельца объекта; 8 названий (*Бутобай, Брединская, Синий Шихан, Корпусной Колок* и т. п.) имеют явно метонимическое происхождение и связывают прииск или месторождение с населенным пунктом либо естественным объектом. Интересными кажутся два названия, которые условно можно отнести к отсубъектным — *Светлое* и *Мирная*. Эти названия, очевидно, имеют ситуативное происхождение и отражают эмоции номинатора в момент номинации. Обращает на себя внимание название *Оброчная*: это редкий — в нашем материале, вероятно, единственный — случай, когда в наименовании добычного объекта отражаются настолько частные специфические экономические отношения, в которых состоит разработчик жилы. В редких случаях название носит отобъектный характер: топоним *Бугристое* указывает на характер рельефа месторождения. Название *Благодатная*, частотное для добычных объектов, указывает на перспективность разработки. Довольно типично и наименование *Безымянная*, указывающее на позднее вхождение объекта в сферу внимания языкового коллектива при уже сложившейся топонимической системе.

Комплекс названий объектов золотодобычи характерен именно для систем такого рода, он указывает на смешанный характер разработки — как чисто старательский, так и более организованный, с привлечением частного капитала. В целом система названий этих объектов вполне укладывается в традицию наречения, бытующую на остальных территориях страны. Причем в силу исчезновения объекта к нашему времени судить о его типе можно по родовой принадлежности топонима, чаще всего представляющего собой прилагательное, где форма мужского рода указывает на прииск, женского — на жилу, среднего — на месторождение. Нужно учитывать сравнительно небольшой размер всех этих объектов: реального различия между ними

¹⁴ См.: Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1:200 000. Издание второе. Серия Южно-Уральская. Лист N-41-XXXI (Бреды) с клапаном листа N-41-XXXII. Объяснительная записка. М., 2018.

¹⁵ См.: Баканов С. А. Неизвестная страница промышленной истории Урала: Полтаво-брединские угольные копи (1915–1959 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). С. 42–49.

практически нет, и в современной номенклатуре все они считаются месторождениями.

Названия прочих месторождений полезных ископаемых Брединского района демонстрируют очень однородную в смысле использования номинативных моделей картину. Тактики наречения сводятся практически только к механизму метонимического переноса с названия населенного пункта или природного объекта (залесь никеля *Гулинское*, месторождение гипса *Брединское*, месторождение строительного песка *Брединское*, месторождение платины *Прямой Лог* и т. п.) и явно имеют позднее происхождение. Название месторождения платины *Веселое* укладывается в старательскую традицию наименования объектов добычи благородных металлов.

Наименования добычных объектов Брединского района прекрасно демонстрируют отмеченную выше специфику номинирования, зависящую от времени и условий номинации. Мы видим, как здесь сосуществуют системы, созданные разными социальными группами номинаторов. Старатели и частные разработчики отмечают важные с точки зрения перспективы добычи характеристики объекта, владельцы объектов упорядочивают знания об эксплуатации объекта (в том числе через привязку к религиозному празднику), советские горные инженеры предпочитают обходиться указанием на расположение объекта путем метонимического переноса.

Выводы

Топонимические системы месторождений и прочих комплексных добычных объектов вполне можно рассматривать как источник информации о специфике их разработки и истории развития. Особенности технического развития отрасли и смена идеологической парадигмы мало отражаются в топонимической системе. Можно заметить, что идеологически нагруженные промышленные топонимы в рассмотренном материале практически не встречаются. К таковым условно можно было бы отнести наименования отрелигиознированного происхождения, но у них, как мы видим, несколько иная функция. Специфика технического развития добычи также никак не отражена в названиях — встретилось лишь одно название *Динамитный*

на Кочкарском месторождении. Наиболее существенной деталью, сказывающейся на тонкостях возникновения, существования и развития номинативной структуры того или иного добычного комплекса, представляется организационная специфика добычи полезных ископаемых: старательское освоение территории демонстрирует разительное отличие номинативной системы от аналогичной системы, созданной на месторождениях с привлечением частного капитала или при плановой государственной разработке. Весьма важным становится и социальный состав коллектива номинаторов: подходы к именованию, очевидно, различаются у коллектива рабочих дореволюционного периода, у горных инженеров эпохи Российской империи, у советской технической интеллигенции. Обобщая, можно сказать, что частный разработчик, старатель склонен отразить в названии существенные для работ характеристики объекта, владелец капитала — организационную специфику проведения работ. При этом и тот, и другой, являясь владельцами объекта, стремятся отразить в топониме свое имя. Особая ситуация, возникшая на территории Ильменского заповедника, показывает желание следовать такой традиции, но выражается оно в специфической форме, что приводит к обилию генетивных конструкций, свидетельствующих о малой узуализации топонима. Советский горный инженер, геолог-разведчик указывает на важные с точки зрения добычи общегеологические черты объекта либо просто путем метонимического переноса отмечает его расположение.

Кроме того, нельзя не отметить влияние на эти особенности и сугубо естественно-геологических причин, поскольку, например, добыча россыпного ископаемого в определенных социально-экономических условиях будет сопровождаться иными формами организации труда, чем при добыче коренного жильного ископаемого. Так или иначе, экстралингвистические факторы как естественно-геологического, так и социально-экономического плана становятся исключительно важными и не просто отражаются в топонимии добычного комплекса, но оказывают решающее влияние на ее формирование и функционирование.

Yurij S. Kostylev

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Ekaterinburg, Russia)

E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

TOPONYMIC ASPECT OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MINERAL DEPOSITS IN THE SOUTHERN URALS

The article analyzes the official toponymic systems of mine deposits located in the territory of the modern Chelyabinsk region. It considers the names of the objects of the Ilmen Reserve, Kochkar gold deposit, Astafyevsky and Svetlinsky deposits of rock crystal, and various deposits of Bredinsky district. Specialized scientific literature of geological, historical and topographic profile was used as a source of material. The volume of this material, which includes names related to the extraction of completely different minerals in a relatively large area over a significant chronological period, and a significant number of analyzed toponyms (about 950 units), makes it possible to systematically present the history of the development of the natural resources of the Southern Urals, as reflected in the language. It is concluded that extralinguistic factors of a natural-geological, and most importantly, socio-economic nature, are of great importance and have a decisive influence on the formation and system of the object names. The toponymic system allows reconstructing the social portrait of the nominating team with considerable accuracy. The prospector reflects in the name characteristics of the object that are essential for the work, the owner of the capital reflects the organizational specifics, but in such systems the share of anthroponymic entities is also high. The Soviet mining engineer points out the general geological features of an object that are important for mining, or simply marks its location by metonymic transfer. At the same time, the ideological attitudes are not significant.

Keywords: toponymy, gold industry, mining, onomastic system, Southern Urals, Ilmen Reserve, Kochkar gold deposit

REFERENCES

- Atroshenko O. V., Krivoschapova Yu. A., Osipova K. V. *Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Russian Folk Calendar. An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-PRESS Publ., 2015. (in Russ.).
- Bakanov S. A. [An Unknown Page of the Industrial History of the Urals: The Poltava-Bredinsky Coal Mines (1915–1959)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 12 (150), pp. 42–49. (in Russ.).
- Kolisnichenko S. V. *Samotsvety: udivitel'nye mineraly Yuzhnogo Urala* [Gemstones: Amazing Minerals of the Southern Urals]. Chelyabinsk: Arkaim Publ., 2010. (in Russ.).
- Kolisnichenko S. V., Popov V. A. *“Russkaya Braziliya” na Yuzhnom Urale: Mineraly dolin rek Sanarki, Kamenki i Kabanki: entsiklopediya ural'skogo kamnya* [“Russian Brazil” in the Southern Urals: Minerals of the Sanarka, Kamenka and Kabanka River Valleys: Encyclopedia of the Ural Stone]. Chelyabinsk: Avtograf Publ., 2008. (in Russ.).
- Kostylev Yu. S. [Names of Artificial Objects of the Ilmen State Reserve of the First Period of Its Development (1920s–1930s)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2022, vol. 19, no. 3, pp. 221–234. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.038 (in Russ.).
- Kostylev Yu. S. [Names of Crystal-Bearing Deposits of the Circumpolar and Southern Urals: A Comparative Study]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 225–237. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.041 (in Russ.).
- Polenov Yu. A., Ogorodnikov V. N. [The History of Prospecting, Exploration and Development of the Crystalline Deposits of the Middle and Southern Urals]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta* [News of the Ural State Mining University], 2017, iss. 1 (45), pp. 104–108. (in Russ.).
- Shatnov Yu. A. [Crystal-Bearing Deposits as Unique Geological Objects of Russia and the CIS Countries]. *Razvedka i okhrana neдр* [Exploration and Protection of Mineral Resources], 2007, iss. 10, pp. 23–29. (in Russ.).
- Vishev I. I. *Stanovlenie i razvitie zolotopromyshlennosti na Yuzhnom Urale v XIX veke: kand. dis.* [Formation and Development of the Gold Industry in the Southern Urals in the 19th Century: Diss. Cand.]. Chelyabinsk, 2002. (in Russ.).

Для цитирования: Костылев Ю. С. Топонимический аспект истории освоения южноуральских месторождений полезных ископаемых // Уральский исторический вестник. 2025. № 4 (89). С. 157–165. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-157-165.

For citation: Kostylev Yu. S. Toponymic Aspect of the History of the Development of Mineral Deposits in the Southern Urals // Ural Historical Journal, 2025, no. 4 (89), pp. 157–165. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-157-165.